

Даниловский Казанский женский монастырь

Даниловская земля, имея древнюю, уходящую в самые истоки Руси историю, не может при этом похвастаться какими-либо выдающимися событиями, фактами, датами из своей жизни, особенно в компании таких исполинов ярославского края, как Ростов, Переславль, Углич, чьи имена издревле присутствовали в русских летописях. Испокон веков жизнь в даниловской округе шла тихо, мирно и незаметно. Люди рубили лес под пашню, растили хлеб и детей, ездили на лошадях, торговали, гуляли на праздниках и уходили отсюда на войну. В их душах основное место занимала православная вера, которая служила основой всей жизни. И так получилось, что большинство из тех многочисленных, замечательных событий и историй, происходивших когда-либо в этих краях и нарушавших порою спокойное, дремотное течение жизни, было связано скорее с её духовной стороной, нежели с военной или политической. Именно в церковных делах происходили наиболее драматические события, оставившие ощутимый след в памяти даниловцев. И пусть даже эти события не идут ни в какое сравнение с многочисленными столичными потрясениями, для нас - жителей этих лесистых заволжских холмов - они по-своему дороги и близки, и родны.

Начало

Наш район - это частичка всей русской земли, все взлёты и падения которой нашли своё отражение и в нашей стороне. Несомненно, что конец прошлого века и начало нынешнего (то есть предреволюционное время) было временем могучего взлёта, расцвета России. И одно лишь возникновение в то время Казанского собора здесь, вдали от столиц, в уездном городе служит этому неоспоримым доказательством.

Кто из нас не восхищался краснокирпичной роскошью стен Казанского, его сказочными, словно из «Сказки о царе Салтане», узорными крылечками (правда, здорово потрёпанными за последние полвека). Архитектурный стиль, в котором выполнен собор, называется *псевдорусский* или *неорусский*. В этом же стиле выполнены, например, Исторический музей и здание ГУМа на Красной площади в Москве, здание Третьяковской галереи и Ярославского вокзала. Вообще, стиль этот был очень популярен в конце прошлого и начале нынешнего веков, когда огромное развитие в стране получили народнические идеи. Русский народ в то время обратился к своим истокам, корням, откуда почерпнул могучую духовную энергию, воплотившуюся во многие произведения искусства, в том числе и в Казанский собор. Переходя же к сути нашего рассказа, стоит сказать, что он вырос отнюдь не на пустом месте. У каждого гриба есть своя грибница, грибницей Казанского, на котором он вырос, явился Даниловский Казанский женский монастырь, основанный монахиней Ярославского Казанского монастыря Михаилой 9 июля 1894 года вблизи города, в местности, называемой Горушка. О его былом существовании напоминают нам сегодня сам Казанский собор да несколько старинных зданий на Горушке и в городе. Всего 33 года просуществовал монастырь, но за это время он оставил глубокий след в духовной жизни города, который, впрочем, к сегодняшнему дню практически исчез. Но стоит только упомянуть, что с ним связаны имена таких подвижников русской православной церкви, как отец Иоанн Кронштадтский, Патриарх Всея Руси Тихон, архиепископ Ионафан, сразу становится очевидным его былое большое значение. Нашим рассказом мы попытаемся восстановить память о тех событиях недалекого еще прошлого, смахнув с них пыль забвения, основываясь как на архивных документах, так и на рассказах немногочисленных очевидцев, не упуская из виду также всякие легенды и слухи.

Как уже было сказано, основала общину монахиня Михаила. Мирское имя ее - Параскева Петровна Козлова, она уроженка Тверской губернии, родилась в 1842 году в купеческой семье [1]. Получив домашнее образование, она с малых лет приобщилась к церкви и уже в молодости состояла в сестрах-послушницах в Вышневолоцком Казанском монастыре на клиросном послушании, но, прожив там несколько лет, уволилась из него по слабости здоровья.

Но, видимо, желание служить церкви не покидало ее, поскольку в 1880 году в возрасте тридцати восьми лет Параскева Петровна отправляется на Святую землю, в Иерусалим и останавливается па-

ломницей в местном монастыре св. Екатерины. Живя в нем, она занималась благоустройством монастыря и церковей, принимала участие в украшении храма Св. Гроба Господня, личными средствами и с помощью благотворителей устроила храм во имя великомученицы Екатерины, за что ей была дана грамота от иерусалимских патриархов Никодима и Герасима на пожизненное пользование кельей монастыря. Такую же грамоту она получила в 1893 году за устройство драгоценной ризы над ковчужией Св. Гроба Господня. После этого, в том же году, уже в возрасте пятидесяти лет, прожив в Израиле 13 лет, охваченная идеей создания монастыря на родине, она возвращается в Россию. И, как мы увидим далее, вся ее последующая деятельность всецело была посвящена осуществлению этой идеи.

Сразу по прибытии первым делом Параскева Петровна определяется сестрой- послушницей Ярославского Казанского монастыря и, спустя всего три месяца, постригается в монахини, приняв имя Михаила. Произошло это 31 января 1894 года. Видимо, в это же время в безлюдной местности Горушка вблизи Данилова, где до того времени росли одни сосны, и пасли скот, раздались голоса и застучали топоры, на личные средства монахини началось строительство 16-келлийного деревянного корпуса с церковью и хозяйственных построек для будущей общины (см. фото 3). Уже летом того же года все работы были закончены, посреди бора, источая смолистый аромат и сверкая на солнце янтарными бревнами, поднялись добротные двухэтажные корпуса и засиял крест небольшой деревянной церковки. Все было готово, чтобы принять желающих удалиться от мирской жизни. Крутая горка, напоенная целебным хвойным воздухом, поросшая вековыми соснами, устремившими ввысь свои кудрявые темно-зеленые кроны, - лучше места для устройства божественной обители и не придумаешь.

Во всей истории со строительством Михайлой монастыря на Горушке остаётся открытым один наиболее интересный вопрос. Почему именно здесь, в Данилове? Наверняка Михаила до этого и не бывала в наших краях (сама она из Тверской губернии). Но весь стремительный ход событий 1893-94 годов показывает, что ещё будучи в Израиле, Михаила, точнее тогда ещё Парасковья Петровна, уже имела твёрдое намерение основать монастырь в уездном городе на севере Ярославской губернии. Здесь нужно вспомнить, что духовным покровителем и даже строителем Даниловского монастыря и Казанского собора считается святой Иоанн Кронштадтский. Но, анализ архивных документов ясно показывает, что основание монастыря было осуществлено исключительно на личные средства Парасковьи Петровны, и в дальнейшем, в клировых ведомостях монастыря нет ни намёка на получения от Батюшки Иоанна каких-либо пожертвований [1]. В житии Иоанна Кронштадтского рассказывается как он основал в наших местах Вауловский скит близ Ярославля, монастырь около Череповца, про Даниловский же монастырь не говорится ни слова [3]. Но судя по народным преданиям и сопоставляя многие факты, становится несомненным его духовное покровительство горушешенской обители, которое конечно же много значимее любых материальных благ. И всё же, почему в Данилове? Предположим здесь, что являясь деятельной, незаурядной личностью, истинной христианской подвижницею, Парасковья Петровна имела переписку с Батюшкой Иоанном, как с одним из ярчайших православных светочей в России. И именно он в своих письмах указал ей подходящее место для Божьей обители. Через эти места Батюшка много раз проезжал по пути из Кронштадта, где он служил, через Поволжье на родину - в Архангельскую губернию. Вполне возможно ещё, что именно он и призвал Парасковью Петровну на Русь, служить своему народу. Таким образом, можно говорить о Даниловском монастыре, как о творении духовной ученицы святого благоверного отца Иоанна Кронштадтского.

9 июля 1894 года (ст. стиль) указом Святого Правительствующего Синода по ходатайству монахини Михайлы и по представлению Высокопреосвященнейшего Ионафана, архиепископа ярославского и ростовского, официально учреждена была Даниловская Казанская женская община с количеством сестер, какое будет в состоянии содержать. Ее настоятельницей была определена монахиня Михаила. Земля под нее была пожертвована властями города, и это было первое из будущих многочисленных пожертвований обители. Постоянными ее благотворителями были купцы, и местные, в частности, самый именитый из них, Алексей Никифорович Масаинов, и из других городов, как, например, петербургский предприниматель Дмитрий Степанович Бочагов. Жертвовали и городские мещане, и крестьяне, и порой эти лепты были не самые малые. Эта могучая поддержка, вкупе с активной деятельностью Михайлы и большим ее опытом, полученном в Иерусалиме, способствовала быстрому росту благосостояния общины.

Вскоре после официального учреждения, а именно 31 июля 1894 года при многочисленном стечении народа и при участии даниловского духовенства состоялось освящение, прибывшим накануне, архиепископом Ионафаном Казанской церкви и монастырских построек. Деревянная домовая церковь во имя иконы Казанской Божьей матери была небольшая, однопрядельная, с шатровым куполом пирамидальной формы (см. фото 3) и двумя медными вызолоченными крестами. В «два света», то есть окна располагались в два этажа, отчего в ней всегда было светло. Внутри храма был иконостас и даже хоры (несмотря на малость помещения). При церкви был и свой приход, и поэтому на богослужения, кроме сестер, собирались и прихожане, и многочисленные паломники, отчего всегда в ней было тесновато, и порой, особенно в праздники, молящимся приходилось стоять на улице. В одном здании с церковью были и кельи, в которых жили послушницы и монашки. Кельи представляли собой небольшие комнатки - два окна да печь, топки печей выходили в коридор, поэтому в комнатах сохранялись чистота и порядок. Рассчитанные на двоих человек, они имели довольно скудную обстановку, ничего лишнего, только самое необходимое.

К открытию обители в ней также имелись, кроме главного корпуса с церковью: деревянный 2-хэтажный дом под тесовой крышей с трапезной и просфорной (пекарней) на втором этаже и с кухней на первом, баня с водопроводом, погреб, два сарая и сторожка. С этого небольшого хозяйства и началась жизнь общины.

С постройкой в 1899 году второго общежительного корпуса с 16-ю кельями количество сестер, которое могла содержать община, стало превышать 80 человек. В большинстве это были молодые крестьянские и мещанские девицы, родом из всевозможных губерний необъятной Российской империи, среди них около десяти были, к примеру, дочери донских казаков. В общине было всего 4 монахини, навсегда удалившиеся от общества и принявшие новые, святые имена, остальные же состояли в сестрах-послушницах, то есть исполняли различные послушания. 10 сестер состояли на клиросном послушании, две следили за чистотой и порядком в храме и прислуживали при богослужениях, другие находились при часовнях, остальные были заняты на разных работах: на месте парка Победы было поле, где они сеяли и убирали хлеб, в бору сушили сено, работали на огородах, пасеке, пасли скотину, держали лошадей, даже занимались раскорчевкой кустарников под пашню.

Работать в полуобжитой общине приходилось очень много, порой и на службу-то не попадешь, оставалось терпеть и смиряться. Послушание выше поста и молитвы. Неподготовленным, ленивым, слабым было трудно, некоторые не выдерживали, уходили, насильно никого в монастыре не держали. В год приходило и уходило около 10 женщин, писали заявления типа:» Дальнейшее пребывание в общине я нахожу невозможным по семейным обстоятельствам и слабости здоровья». Были и постоянные жительницы, прожившие в монастыре всю жизнь и либо нашедшие на монастырском кладбище последнее пристанище, либо ставшие свидетельницами его разгона.

Вообще, по существу, это было маленькое женское царство, самодостаточное, молитвенно сосредоточенное, но не отгородившееся от мира, а наоборот, делающее к нему встречные шаги. С самого своего начала общиной была начата активная благотворительная и общественная духовная деятельность. Организовывались и поддерживались различные приюты, богадельни, для них заготавливались продукты. Известно, например, что для заключенных тюремного замка сестры шили одежду, квасили капусту. Сама живя благотворительностью, община организовывала и направляла поток пожертвований на нужное дело. В 1897 году в бору, у перекрестка Романовской и Вахтинской дорог, открыта была небольшая деревянная часовенка. Торговые люди (купцы и крестьяне) ехавшие по этим дорогам на ярмарки, останавливались около нее, молились и делали пожертвования. На железнодорожном вокзале в том же году была установлена большая икона Казанской Божьей матери в киоте (застеклённом шкафчике - божнице) с кружкой для пожертвований.

В обители не утихал стук топоров; в 1896 году построен странноприимный дом (для приёма странников и паломников) с гостиницей и квартирами священника общины и дьякона - бревенчатый, на каменных столбах и под железной крышей. Тогда же выстроено было большое хозяйственное здание на десяти каменных столбах до крыши, под железом, включавшее в себя конюшню, коровники, каретный двор, ссыпки хлеба и сеновалы. В 1899 году был построен 2-й общежительный корпус на 16 келий, также на каменных столбах и крытый железом.

С устройством в Нохрине (эта деревня сейчас не существует) в 1897 году собственного кирпичного завода настоятельница Михаила начала строительство двухъярусной колокольни со святыми воротами, освящение которой состоялось уже в 1900 году. Это была, наверное, самая красивая колокольня в Данилове, белокаменная, нарядная, с не менее красивым звоном, увы, она ненадолго пе-

режила монастырь и была разрушена в тридцатые годы. От нее остался лишь пологий холмик во дворе детского дома на Горушке да дореволюционная открытка с ее изображением.

В один прекрасный день августа 1897 года с вологодского поезда сошел в толпу горожан знаменитый священник, отец Иоанн Ильич Сергиев, известный в народе как Кронштадтский. Много путешествуя по стране, по пути из Петербурга на север, посетил он и наш город, прослышав о юной быстрорастущей общине и о деяниях Михаила. Благословляя всех, он проследовал на Горушку, где в тот же вечер совершил в Казанской домово́й церкви всенощное богослужение [2]. Бесе́дуя перед службой с отцом Иоанном, настоятельница Михаила испросила у него святого благословения на постройку в общине большого трехпрядельного храма во имя Казанской иконы Божьей матери.

Сегодня, спустя много лет, в наше безбожное время, нам не дано, наверное, постичь, почувствовать ту энергию, ту силу, опираясь на которую, даже не монастырь еще, а лишь четырехгодовалая община - 80 женщин, имея на счету лишь 30 тысяч рублей и маленький кирпичный заводик, решили построить огромный, невиданных в округе размеров храм, самый современный в архитектурном отношении, постройка которого оценивалась в 155 тысяч рублей (естественно, на деле вышло больше). Интересно, что 20 тысяч рублей оставила в наследство общине вдова даниловского купца Ворохобина, владельца Даниловского банка (это здание старого госбанка, недавно там сделан ремонт и сейчас в нем располагается расчетно-кассовый центр). Частая гостья в обители, она перед смертью завещала Михаилу свой капитал с условием, что он будет потрачен на постройку большого храма, и один из его приделов будет освящен именами св. Екатерины и Иоанна Предтечи, соименных ей и ее покойному мужу Ивану Васильевичу Ворохобину.

Благословение свое отец Иоанн Кронштадтский с радостью дал, одоблив замысел и обещав подыскать в Петербурге хорошего архитектора (по легенде он даже освятил закладку собора). Не задерживаясь долее, он отбыл на родину в Архангельскую губернию, останавливаясь по пути в каждом селении, засевая словом Божиим благодатную ниву русских просторов.

* * *

Летом 1900 года технико-строительным комитетом при хозяйственном управлении Святейшего Синода был рассмотрен и одобрен к исполнению проект трехпрядельного храма петербургского архитектора В.А.Косякова для женской Казанской общины в городе Данилове. Гражданский инженер В.А.Косяков (1868-1921) известен как автор известного Морского собора в Кронштадте, подворья Киево-Печёрской лавры на Университетской набережной в Санкт-Петербурге и многих других сооружений в различных городах России, по его проекту построен православный храм в Сеуле, столице Южной Кореи. Его авторству приписывают и красивейший собор в селе Кукобой, по стилю очень похожий на Казанский.

Разрешение на строительство было получено, но оставалось еще одно важное дело. Община окрепла, обстроилась, выросла, приобрела известность и славу в округе - настало время приобрести ей более солидный статус. 25 сентября 1900 года Михаил подаёт в Синод рапорт, в котором сообщает о состоянии общины. В нём были такие слова: «Монастырское богослужение в местности нашей, заражённой расколом, по отзывам богомольцев, весьма нравится населению». 6 февраля 1901 года указом царя обращена была Даниловская Казанская женская община в монастырь с тем же названием. 10 февраля Михаил ездил в Ярославль, где в Крестовой церкви была посвящена архиепископом Ионафаном в сан игуменьи. И в том же году летом под будущий собор завершён был огромный фундамент из бутового камня (в городе думали даже, что под собором будут монашеские кельи) - строительство шло полным ходом.

Казанский собор

Не успев ещё стать монастырем, на рубеже XX века молодая, шести лет от роду, Даниловская православная женская община в честь Казанской иконы Божьей Матери на Горушке, ведомая неутомимой христианской подвижницею матушкой Михайлой, взвалила на себя непосильную ношу - постройку гигантского собора невиданных в округе размеров и великолепия. Не имея достаточно земельного надела, обитель жила в основном за счет благотворителей. Но, с получением святого благословения своего покровителя отца Иоанна Кронштадтского и завещанных купчихой Ворохобиной 20000 рублей, помыслом настоятельницы Михаила началось невиданное для Данилова строительство трехпрестольного храма. По проекту оно оценивалось в 155000 рублей.

В первые годы, благодаря накопленным заранее материалам и средствам, стройка споро двигалась вперед, точнее вверх; в 1901 году был завершен фундамент из бутового камня и дальше, кирпич за кирпичом, вырастали из земли красные стены, стянутые щетинистой сеткой строительных лесов. На стройке и на кирпичном заводе работали нанятые работники, для них были построены бревенчатые бараки. Чистота на стройке поразила бы Вас, читатель, привыкший сторониться нынешних стройзавалов; регулярно, в срок, подъезжали к монастырской ограде подводы с кирпичом, известью, тесом; тут же содержимое споро разгружалось и без промедления употреблялось по назначению.

Шли месяцы, собор медленно подрастал, но ... слишком медленно, гораздо быстрее таяли силы и средства молодых сестер- послушниц, вынужденных работать и на монастырь, и на собор. В Данилове замечали их тяготы и жертвовали чем могли: в 1904 году даниловский купец Алексей Никифорович Масаинов (владелец магазина) жертвует монастырю целый каменный дом на углу Ярославской и Воскресенской улиц. Игуменья Михаила тотчас распорядилась сдавать верхний этаж под квартиры, нижний - под лавки, в угловой же комнате 12 сентября 1904 года была открыта часовня в память события рождения наследника престола цесаревича Алексея Николаевича. В следующем, 1905 году, давними знакомыми и помощницами общины мещанками Агриппиною и Пелагеей Ивановнами Стреллицкими был пожертвован двухэтажный деревянный дом по улице Ярославской (не сохранился).

Но все-таки бремя было слишком тяжелым, и сочувствие даниловцев, и поддержка благодетелей не помогли, когда наступили черные дни для обители; 20 декабря 1908 года не стало великого праведника, дорогого батюшки, как звали его в народе, покровителя и благодетеля общины Иоанна Кронштадтского, а через несколько месяцев слегла и матушка Михаила. С батюшкой Иоанном исчезла могучая духовная сила, что питала тот неутомимый источник деятельной энергии, на котором выросла и держалась обитель. Лишенный поддержки этот живительный источник, каковым и являлась настоятельница монастыря матушка Михаила, угас зимою 1909 года. Спустя год после смерти своего духовного наставника отошла в жизнь вечную основательница и строительница общины и погребена была рядом со своим детищем - домовою церковью и келейным корпусом. Над могилой ее сооружено было надгробие с иконкой и неугасимой лампадой, что светила день и ночь над местом, ставшим монастырской святыней.

В 30-е годы надгробие снесли, место захоронения заросло крапивой, забылось. Могилу случайно обнаружили уже в 51-ом году, на уроках труда при сооружении забора, ученики сельхозтехникума, расположившегося после войны в бывшей монастырской трапезной. В городе ходил устойчивый слух о существовании подземного хода между Казанским собором и Воскресенским собором (впоследствии Домом Культуры). Естественно, когда молодые ребята услышали необычный гул при ударе об землю ломом, то решили, что нашли легендарный подземный ход. Проломив крепкий кирпичный купол sklepa, обнаружили лишь гроб на точёных ножках. У кого-то загорелись глаза: «Золото!». Но, сквырнув крышку, увидели лишь истлевшие тряпки и кости. Впоследствии хулиганы разломали гроб, кости раскидали. Для прекращения безобразий власти пригнали грузовик мусора, завалили склеп и заграбили. Сегодня от могилы Михаила не осталось и следа.

Но вернемся опять в 1909 год, в занесенный снегом, окруженный темными, стонущими на ветру соснами, монастырь, что застыл в молитвенном оцепенении, осиротевший и растерянный. Прибывшая вскоре новая настоятельница, назначенная Синодом на место почившей Михаила, монахиня Иоанна застала дела монастыря в крайне тяжелом положении, с недостроенным собором и пустым кошельком. Для продолжения строительства не имелось ни средств, ни достаточного количества стройматериалов. Трезво оценив ситуацию, Иоанна принимает решение остановить стройку. Всю деятельность монастыря она направляет отныне на повышение благосостояния и на развитие самой общины.

Бумага донесла до нас, к радости, историю жизни игуменьи Иоанны. В миру она - Зинаида Федоровна Скабская, родилась в 1864 году в роду петербургских дворян, окончила Санкт-Петербургский Елисаветинский институт благородных девиц, в 1892 году, в возрасте 28 лет, поступает в Пюхтицкий Успенский монастырь в Прибалтике, где в 1895 году постриглась в монашество. По личному ходатайству в 1898 году вместе с настоятельницей Пюхтицкого монастыря переведена была в Казань, в местный первоклассный монастырь, а уже в 1900 году указом Св. Синода назначена была на должность настоятельницы Свято-Троицкого Федоровского монастыря. Но вскоре Иоанна

тяжело заболела и помещена была на лечение в Полтавскую губернию, откуда и была вызвана, чтобы возглавить Даниловский монастырь.

Обладая довольно твердым характером, Иоанна быстро привела в порядок хозяйственную деятельность общины, и она снова стала крепнуть и расти. В течение 1910-1911 годов была построена новая каменная трапезная с хлебопекарней (просфорной), сейчас - детский дом. (Почему-то считалось, что его пожертвовал Масаинов. В действительности же полностью построен общиной). Выросли новые хозяйственные постройки: дом для сестер-скотниц, котельная для сушки конной сбруи, амбары. В новом каменном доме устроена была живописная мастерская, сестры занялись иконописью. Монастырь зажил полнокровной жизнью.

И все бы хорошо, кабы не позеленевшие стены и не сгнившие леса Казанского собора. Доведенный лишь до главного карниза, непокрытый, открытый дождям и ветрам, он постепенно погибал. Штукатурка отсыревала, в стенах появились трещины. На постройку собора уже израсходовано было 75 тысяч рублей. Чтобы покрыть его, как минимум, требовалось еще 40 тысяч, не говоря уже о полной внутренней и внешней отделке. Таких денег у обители не было. Положение еще более ухудшилось, когда определением Святейшего Синода от 26 июня 1910 года запрещались неорганизованные, самочинные сборы пожертвований без особого распоряжения Епархиального Архиерея, а ведь они составляли значительную часть дохода общины. Кроме того, бывший благодетель - купец Масаинов - затевает тяжбу из-за ничтожной, по сути, суммы (1365 рублей), которая, по его словам, осталась долгом прежней настоятельницы. В отчаянии матушка Иоанна пишет проникнутое глубоким горем прошение в Правительствующий Синод обер-прокурору В.К.Саблеру с просьбой о помощи:

«Обитель наша существует всего 17 лет; благотворителей (с кончиною О.Иоанна Кронштадтского, который покровительствовал нашей обители) - нет ... На днях наш архитектор В.А.Косьяков прислал мне письмо, в котором советует мне поскорее покрыть собор, так как держать его продолжительное время без крыши вредно для прочности строения... Имею честь всепочтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство явите милость назначить из средств Св. Синода единовременное пособие на покрытие нашего храма. Не откажите обратить Ваше Благоклонное внимание на нашу скромную обитель, сохранив начатую постройку Храма от полного разрушения, поддержите нашу скромную обитель и ее скромный, но священный огонь в крае, который еще нуждается в развитии истинно христианского духа и жизни. Все насельницы нашей обители в своих молитвах будут всегда поминать Ваше Высокопревосходительство, как опору нашей обители, трудящейся на благо народа».

Через два месяца, 23 августа 1911 года, монастырю Синодом было выделено 3 тысячи рублей (просилось 30-40 тысяч рублей). О состоянии Казанского собора было доложено и императору Николаю II, но и от его имени было прислано лишь несколько тысяч рублей, тоже чисто символическая сумма.

Доведенная до крайнего отчаяния, игуменья Иоанна в феврале 1912 года запросила отставки у обер-прокурора Святейшаго Синода, сенатора и члена Государственного Совета Владимира Карловича Саблера. Читая это прошение, даже сейчас, спустя 85 лет, живо ощущаешь несчастье, пронизывающее эти строки, пропитанные слезами безысходности и душевных терзаний:

«...Я употребляю все старание, отыскиваю благотворителей, но к величайшему моему огорчению, все мои труды напрасны, так как в настоящее время почти невозможно найти благотворителей, которые бы сочувственно относились к св. храмам, а особенно к монастырям... Совесть сильно мучает меня, что я бессильна помочь монастырскому горю. В виду вышеизложенного имею честь всепочтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство, явите милость что-нибудь предпринять относительно нашей обители, пока стены собора ещё не разрушились окончательно, а именно: или совершенно закрыть этот несчастный монастырь, или властью Святейшаго Синода назначить влиятельную, деятельную и энергичную настоятельницу, или же приписать этот монастырь к богатому благоустроенному, как, например, к Санкт-Петербургскому Иоанновскому в память почившего Батюшки, который, можно сказать, был почти основателем нашей обители, тогда почитатели Батюшки достроят собор.

Благоволите, Ваше Высокопревосходительство, уволить меня от должности настоятельницы сего монастыря и назначить мне где-нибудь уголок, хотя бы даже на покое, только с назначением общей монастырской трапезы и отопления, принимая во внимание мои труды в течение 20-летней жизни в монастырях и из них 12-летней службы в должности настоятельницы.

Простите, Ваше Высокопревосходительство, за настоящее письмо, но верьте, что я падаю духом, не видя ниоткуда поддержки, и при этом моя совесть говорит мне, что я дальше не должна оставаться на настоящей должности, простите, ради великих дней Святой четырёхдесятницы.»

Через два месяца после этого письма матушка Иоанна скорпостижно скончалась. Быть может недолеченная хворь, или же сопереживание несчастьям вверенной ей обители подломили её здоровье на сорок девятом году жизни. Сёстры похоронили её за алтарём недостроенного Казанского собора, которому игуменья Иоанна отдала последние годы жизни. От могилы этой тоже не осталось сегодня никакой памяти, лишь самые древние старушки с трудом припоминают где она была.

Мария

Внезапная кончина матушки Иоанны от горестей и болезней в 1912 году, сильно скорбевшей о состоянии монастыря и недостроенного, гибнущего под снегом и дождем Казанского собора, очевидно, привлекли наконец-то внимание чиновников Святейшего Синода и его главы, господина обер-прокурора В. К. Саблера. С назначением новой настоятельницы в Даниловский монастырь с разрешения Архиепископа Ярославского и Ростовского учрежден был строительный комитет, в число членов которого усердно приглашались лица, пожелавшие прийти на помощь комитету своими посильными пожертвованиями. Строительство собора, спустя почти 7 лет простоя, было возобновлено лишь летом 1915 года.

В даниловской типографии Ломиковского были напечатаны подписные листы, по которым осуществлялся сбор пожертвований. Они содержали следующий текст:

Воззвание к жертвователям.

С благословения Св. Синода умоляем Вас, Христолюбивейшие благодетели, помогите нам достроить соборный храм, начатый в нашей обители с благословения О. Иоанна Кронштадтского с 1900 года во имя Казанской иконы Божьей Матери. За неимением средств храм по сие время не покрыт, каменная кладка портится от сырости, леса сгнили. Сама Царица Небесная примет Вашу лепту и воздаст Вам сторицею, а обитель будет вечно молиться за храмоздателей.

Председательница Комитета Игуменья Мария.

21 июня 1915 г. в воскресенье в монастыре состоялось торжественное народное молебствие по случаю возобновления работ. Деревянная домовая Казанская церковь не могла вместить всех богомольцев, многие стояли на паперти и вокруг храма. В конце литургии священник монастыря отец Сергей Каменецкий прочитал воззвание к народу о помощи на храм.

* * *

Увы, нам ничего неизвестно ни о мирском житии, ни о мирском имени третьей и последней настоятельницы монастыря матушки Марии. Есть лишь небольшая фотография, сделанная в Санкт-Петербурге до 1912 года, где будущая игуменья Мария - молодая и красивая девушка - изображена в мирском одеянии. Почти 20 лет прожила монахиня Мария в Данилове, испытав за эти годы радость великую и горе безмерное, почет и изгнание, славу и унижение. Через два года после посвящения ее в сан игуменьи началась война, а в самый ее разгар прогремела революция, зажегшая кровавый пожар гражданской войны. И всё это время в маленьком, небогатом женском монастыре возводился огромный, величественный храм. И уже при Советской власти, когда беспокойно было в губернии, и Ярославль ещё дымился пепелищем после белогвардейского мятежа, 15 августа 1918 года (старый стиль) в Успенье Пресвятой Богородицы состоялось освящение новопостроенного храма с главным престолом в честь Казанской иконы Божьей матери.

Еще в 1907 году архиепископом Ярославским и Ростовским был назначен отец Тихон Белавин, будущий патриарх, и вся трагедия Казанского собора разыгрывалась у него на глазах. По преданию, объезжая пределы Ярославской епархии, и побывав в Данилове, он дал обещание освятить Казанский собор, когда тот будет достроен. И, как показало время, обещание свое он сдержал. В 1917 году Всероссийским Поместным Собором он был избран Патриархом Всея Руси, и уже в этом сане 15 августа (старый стиль) 1918 года, уже при Советской власти, при многочисленном стечении народа освятил новопостроенный храм. В соборе начались регулярные богослужения, на-

стоятелем его был назначен священник - отец Захарий Бенедиктов. И подняться, расцвести бы тут монастырю, обрести широкую славу и известность, но в ту пору в стране уже многое, очень многое изменилось.

Разгон

Все же Казанский собор так и остался незавершенным. К 1918 году (к его открытию) с большим трудом удалось лишь покрыть храм и водрузить на его главы медные кресты. Замышлялся он по проекту как зимний (в подвале собора расположены огромные печи, дымоходы проходят в стенах, четыре трубы расположены на вершинах полукругов), но, чтобы протопить его гигантский внутренний объем, требовалась уйма дров и потому он со времени открытия действовал лишь как летний храм. Внутреннее его убранство оставалось простым: белые стены, небольшой иконостас, единственным украшением храма было массивное медное поликандило (люстра), подвешенное на мощных цепях.

В стране царил разуха, отношения между Советской властью и церковью ухудшились, и небогатому даниловскому монастырю становилось всё трудней. Каких-либо земельных приращений при новой власти ожидать не приходилось, уменьшилось и число пожертвований. Монастырь потихоньку жил, сёстры работали на подворье, жали в поле хлеб, пасли скотину, рубили дрова, и каждую среду казначея, мать Гавриила, относил заработанные общиной и жертвованные деньги в банк.

И так продолжалось вплоть до зимы 1926/27 года, когда в монастырь пришли из города вооружённые люди в шинелях и кожанках, и без излишних церемоний приказали сёстрам очистить здание обители. Всё нажитое женскими руками с превеликим трудом, с потом и кровью, в один миг было отнято. Послушницы и монашки разбрелись по заснеженному городу с узелками в руках, в которых умещались все их немногочисленные пожитки.

Ох, и трудно же им пришлось в то время. Приютились кто где, снимали углы, комнатухи, подвалы. На работу их, конечно же, никуда не брали, некоторые жили милостыней и подавниями. Многие уехали к себе на родину, остальные стали устраиваться как-то в Данилове: у кого-то здесь были родственники, у кого-то знакомые, а чаще просто добрые люди помогали.

Шло время. Бывшие насельницы монастыря повыходили замуж, обзавелись семьями, работой. Монашки же (их было всего шестеро) устроились при церквях, или уезжали в другие монастыри. Отец Захарий ушёл в Любим, в Свято-Геннадьев монастырь, где и умер впоследствии.

К многочисленным сочувствующим обители людям в Данилове, несомненно, относился и мещанин Григорий Михайлович Леонтьев, бывший церковным старостой при Воскресенском соборе и владевший двухэтажным каменным домом на улице Петербургской (ныне III Интернационала). В этом-то доме и приютил Григорий Михайлович саму игуменью Марию с послушницами Грушей Грибковой и Шурой Соколовой.

Игуменья Мария недолго прожила после закрытия монастыря. Она умерла в начале 30-х годов, вернее сказать, угасла подобно свече без воздуха в своей комнате в доме Леонтьева и была похоронена на городском кладбище. Перед смертью она мало выходила на улицу, вышивала платки, чем зарабатывала себе на жизнь, сидя у окна, из которого открывался изумительный вид на Горушку и Казанский собор (это не для красного словца, вид из окон того дома действительно изумительный: на Горушку, на сосновый бор, и сам собор оттуда как на ладони).

Судьбы

За любым событием, историей всегда стоят люди с их чувствами, неповторимыми характерами и такими же неповторимыми судьбами. Монастырь - это не здания, не хозяйство, а прежде всего люди, - женщины, избравшие нелегкую долю монашеского подвига, отрекшиеся от суетности мирской жизни, посвятившие себя всецело Христу. Вглядитесь в эти молодые, красивые лица. Они могли бы стать женами, матерями, жить простой жизнью, полной забот, тревог, радостей и простого человеческого счастья. Вопреки расхожему мнению, очень редко причиной ухода в монастырь была несчастная жизнь, вдовство или тем более трагические любовные истории. Просто не могли они жить иначе, это был их путь, их жизнь, ... смысл всего их существования. Часто девушка с детства уже готовила себя к монашескому подвигу.

Но основа монастырской жизни, в которой все посвящено небесам, это прежде всего работа, физический, тяжелый труд (в недавние годы о монахах чаще говорили как о заплывших жиром трутнях, хотя, конечно же, человеческая история знает и такие примеры). Большие, богатые столичные монастыри могли позволить себе нанять работников, имели обширные монастырские владения, на которых работали крестьяне, бывшие собственностью монастырей во времена крепостничества. Иначе дело обстояло в горушенском монастыре. Лишь во время строительства Казанского собора общиной были наняты две бригады работников-каменщиков, одна работала на кирпичном заводе, вторая - на постройке собора. Все остальное обширное крестьянское хозяйство лежало на плечах сестер-послушниц. До 1918 года из 80 человек в горушенской обители было только четверо монашек - самых уважаемых, пожилых, остальные состояли в сестрах-послушницах. Чтобы принять постриг, необходимо было пройти долгий, тяжелый путь послушничества, работать там, где укажет матушка игуменья. И если сегодня она посылала возжигать кадило на службе в церкви, то назавтра сестра-послушница шла чистить скотный двор. И помолиться некогда. А тут еще поссориться с одной из сестёр, а матушка нарочно ее с тобой на работу поставит. В монастыре-то всех любить надо, всем служить, а ужиться женщинам всегда труднее, натура такая.

Хор

Всего 8 недолгих лет после своего открытия действовал Казанский собор. В течение этих 8 лет звучали в его стенах стройные, тонкие звуки согласного пения соборного хора. Пение это сразу и надолго полюбилось даниловцами. На фотографии, сделанной при открытии собора, запечатлены лучшие певицы горушенского монастыря вместе с настоятельницей игуменьей Марией и священником собора отцом Захарием. По разному сложились их судьбы и жизнь каждой из них стоит отдельного рассказа.

Пожалуй, самыми известными в Данилове прослыли из монастыря Аграфена Грибкова и ее подруга Александра Соколова (они стоят на фото слева сверху). Александра Соколова и её младшая сестра Мария были местные - даниловские, Груша же Грибкова (все ласково звали ее Грушаткой) родом была из Ярославля. Ее отец - ярославский купец - дал обет: если родится у него дочь, то он отдаст ее в монастырь. Родилась девочка, и уже шести лет от роду отдана она была в Ярославский Казанский женский монастырь на воспитание регентше тамошнего церковного хора. Регентша дала девочке прекрасное образование, научила музыке, игре на скрипке и поставила ей ее изумительный голос, которым впоследствии Груша и покорила даниловцев. «Небеса отверзались», - говорили в народе о ее пении. У нее, простой послушницы, просили благословения, как у престарелых монахинь.

После закрытия монастыря Груша и Шура жили при матушке Марии в доме Григория Леонтьева - церковного старосты Воскресенского собора, а после ее смерти, в 1931 году, втроем с Пашей Данилиной (на фото хора стоит вторая справа) жили в доме 45 по улице Ленина. (Прасковья Данилина родом была из очень бедной семьи. Когда работала - всегда что-нибудь напевала. Однажды регентша монастырского хора мать Ангелина (на снимке хора крайняя справа в нижнем ряду) услышала ее и пригласила в монастырь. В те годы Груша Грибкова состояла регентшей (начальницей) хора Воскресенского собора (ныне Дом культуры) до его закрытия в 1937 году. После войны Груша и Шура уехали в Киев, в Киево-Печерскую лавру, где постриглись в монашество, а Аграфена, ставши монашкой, состояла там казначеем. Впоследствии, уже в 60-е годы, обе обрели там покой вечный.

Не обошел стороной бывших обитательниц горушенской обители черный 1937 год. Но, увы, узнать что-либо определенное об этом не удалось, слишком темны были те времена, но при этом всё же существуют бесспорные свидетельства того, что некоторые из бывших послушниц монастыря прошли сталинские лагеря.

В 1937 году за церковную деятельность был осужден и сослан в Сибирь Григорий Михайлович Леонтьев - тот самый, который приютил игуменью Марию в своем доме. Там он пропал бесследно, и лишь несколько лет назад его имя промелькнуло в списках реабилитированных.

Красная Горушка

В зиму 1926 года, уходя из монастыря, монашки унесли с собой лишь то, что было на них одето. Все огромное хозяйство, леса, пожни, огороды, дворы, двухэтажные, каменные и деревянные дома, скотина, пасека, церковная утварь, счет в банке - все было враз отнято местными властями. В главном корпусе монастыря размещено было общежитие пединститута, а в каменном здании быв-

шей трапезной организован детский приют. Поколение детдомовцев до сих пор с волнением и теплотой вспоминает довоенное привольное детство среди могучих сосен Горушки. В 31-м году на базе монастыря (в целости остались все хозяйственные постройки) была организована сельхозартель «Красная Горушка», желающие поселиться в пустующие кельи быстро нашлись. Колхозники зажили хорошо, а хозяйство сразу же стало передовым. В колхоз приезжали новые люди, строили дома. Горушка стала поселком.

В Казанском соборе до войны были оборудованы колхозное хранилище и склады, водонапорная башня и работала небольшая электростанция. В алтарной его части одно время действовал даже магазин-сельпо. В 60-е годы было построено новое зернохранилище уже в совхозе «Даниловский». Собор был передан государству и тем самым остался без присмотра, тогда же и началось его разрушение, с крыши стало исчезать кровельное железо, из окон - цветное стекло, тащили всё, что можно было отодрать, не по зубам старателям пришлось лишь цветная плитка, которой выложен пол собора. Кульминацией разрушения стал пожар в августе 1980 года, когда сгорели его могучие купола. Подгулявшая компания молодых людей залезла внутрь большого купола. Развели костёр, и когда загорелись сухие стропила, испугались и убежали. Приехавшие пожарные лишь усердно тушили головни, падавшие на облепившие собор сарай. Рухнувший большой медный крест с главного купола набежавшая толпа разрубила топорами на куски - думали золото.

Монастырские дома, хоть и обветшавшие порядком, до сих пор стоят и служат людям. Вот, правда, один из этих добротных домов сгорел начисто лет 15 назад (пожарище до сих пор возвышается на окраине поселка). Не повезло и главному монастырскому зданию, в котором располагалась домовая церковь, оно рухнуло вконец изветшавшее, в начале 90-х годов, не дожив немного до своего 100-летия.

С началом перестройки возник вопрос о сохранении умирающего Казанского собора - жемчужины Данилова. Приближалось тысячелетие крещения Руси. В газете «Знамя труда» появились замечательные статьи даниловского краеведа П.К. Шарапова о прошлом города и района. Наконец, внимания общественности удостоился и Казанский. 12 декабря 1987 года было опубликовано письмо С.Кожевникова с призывом спасти храм от разрушения. В следующем, 1988 году, была создана инициативная группа по сохранению Казанского собора. Весной были проведены первые субботники с участием школьников по очистке собора от грязи и мусора, огромные кучи которых скопились внутри. Водонапорную башню, стоявшую в алтаре, разрезали на металлолом, окна на первом этаже были заложены кирпичом, установили также металлические двери с замком на главный вход.

Сначала шли споры о применении собора. Были мнения открыть в Казанском музей, культурный центр, филиал музыкальной школы, даже установить орган. Но в 1988-м году состоялась передача Казанского собора русской православной церкви. 24 июля 1990 года состоялось освящение вновь обретенного собора во имя Казанской Божьей матери. В 1992 году Указом Высокопреосвященнейшего Платона, Архиепископа Ярославского и Ростовского постоянным священником собора был назначен иерей Георгий Усков. Собор ныне действует как приходской храм, в нем стали проводиться регулярные богослужения.

В конце 1995 года Указом Президента России Ельцина Казанский собор включен в Список памятников культуры и духовности федерального значения.

Восстановление собора идет очень медленно по причине малости дохода прихода. В основном работы идут за счет пожертвований. В 1993 году были покрыты рубероидом задняя галерея и передний притвор, остеклены окна во втором ярусе и заколочены окна на барабанах куполов. Внутри стены снизу побелены. Зимой службы идут в отапливаемой привратной комнате.

Память

Недолго просуществовал женский монастырь на Горушке - всего 33 года, и в этом не сравнится конечно же он с древними, столичными монастырями. Остался от него Казанский собор, - обезглавленный, поцарапанный, потрескавшийся, но все же могучий, необычайно красивый и живой, несмотря на все беды и несчастья. Не сама ли Русь-матушка воплотилась в этих стенах обомшелых, испохабленных, но кое-где уже отчищенных и побеленных. Когда столичные ученые узнают о существовании Казанского, удивляются, ахают, как? откуда в этой глуши такое сокровище?

Были же такие времена в России, когда небольшая община, состоявшая из восьмидесяти женщин всего, могла (хотя и с великим трудом) построить такое огромное чудо (уверен - самое пер-

вое в Данилове) и при этом содержать в порядке большое хозяйство, которое вполне можно сравнить с первыми деревенскими колхозами (на основе этого хозяйства и была создана «Красная Горюшка»).

Увы, сегодня вы не найдете и следа могилы той, чьи помыслы воплотились в горушенском храме. Можно лишь приблизительно указать место, где была похоронена в 1909 году основательница Даниловского монастыря игуменья Михаила. Даже неизвестно точно, где находятся ее останки, так как в 50-е годы могила ее была разрушена.

Немного можно назвать таких людей, как игуменья Михаила, столько сделавших для прославления даниловской земли, и чтобы немного освежить память о ее деяниях и написаны все эти строки.

Сергей Устенко

*г.Данилов
1995 год*